

ОТКУДА АПЕЛЬСИНЧИКИ?

За вручением премий "Триумф", как обычно, следует фестиваль "Рождественская карусель" — с участием лауреатов "всех призывов" и членов жюри. Юрий Любимов показал "Марат-Сад", Евгений Колобов (1994) — спектакль "О, Моцарт! Моцарт..." В ЦДЛ открылась выставка Рустама Хамдамова (1996). Олег Меньшиков (1997) предложил "Горе от ума". В зале Чайковского выступил Михаил Жванецкий (1993), а на следующий день — Борис Гребенщиков (1997). Нина Ананишвили (1992) показывает на сцене Малого театра новый балет "Класс. Опус Икс". А 19-го в Большом зале консерватории прозвучит сочинение Арво Пярта (1997) "Канон покаяния" в исполнении Эстонского камерного хора.

Рыц. клуб - 1999. - 16 янв. - С. 8

Понедельник для организаторов "Карусели" выдался беспокойным. Рустам Хамдамов, особенный кинорежиссер и особенный художник, не явился в ЦДЛ на открытие своей выставки "Парижская коллекция". Полтора часа толпа эстетов (в которой было немало юношей, смахивающих на самого Хамдамова — черненькие, с усами и в клетчатом шарфе) ждала корифея, живущего тут же, на Никитской, в десяти минутах ходьбы. "Он рисует!" — многозначительно вздохнул кто-то. Или, возможно, идя на собственный вернисаж, Хамдамов загляделся на небо. Как бы там ни было, гостям, среди которых была Рената Литвинова, Вера Глаголева и Станислав Говорухин, было предложено шампанское за здоровье непредсказуемого виновника торжества и бесполезного ожидания.

Вечером в ЦДЛ же случилась давка на встречу с писателем Василием Аксеновым, членом жюри "Триумфа". Начали киноэпизодом из старого фильма, где сам Аксенов играет писателя, трепящегося в аэропорту с "человеком из народа": "Откуда апельсинчики?" — "Из Марокко".

Аксенов принес с собой толстенный портфель, наведя на ужасное подозрение, что сейчас он будет читать отрывки из романа, что и подтвердилось немедленно. Звучали фрагменты прозы ритмизованные и почти рифмованные. (Рифмы такие: "утюг" — "утих"; "израильяне" — "не зря летали"; "Леопольдович" — "по льду вы"; "рококо" — "эРКаКа" — Василий Павлович сам вдоволь поиронизировал над этими изысками). По словам автора, "ритм

и рифма помогают входить в романное состояние, накачивать его в себе".

В ЦДЛ приняты вопросы из зала (эта импровизационная часть была гораздо интереснее).

— Хотели бы вы получить Нобелевскую премию?

— Хотел бы я посмотреть, кто не хочет. Кроме Жана-Поля Сартра. Он вот не хотел, а ему дали.

— Какое у вас гражданство?

— Двойное. Девять лет я жил без всякого гражданства (уехал в 80-ом). Потом вижу — новая Россия мне ничего не предлагает. А у меня только "грин карт". Я подал на американское гражданство. Полтора года жду — ничего нет. Один влиятельный коллега помог — и меня вызвали на клятву. Присягнул я на верность звездно-полосатому флагу — а через неделю еще один вызов приходит, видимо, сбой в компьютере. Так что можно было еще раз американское гражданство получить и продать его какому-нибудь арабу... А еще через неделю мне звонит посол Лукин насчет российского гражданства. Я ему говорю: "Я только что американское получил". А он мне: "У вас что, один карман в пиджаке?" Так я получил второе гражданство.

— Хотелось бы услышать ваш взгляд на современный Крым.

— Взгляд — вещь беззвучная... Вообще я в последнее время много думаю о русском языке, о предлоге "о", например. Жутко разрушительная работа производится этим предлогом. Всякий раз его употребляют неправильно.

— Где, по-вашему, место Довлатова на литературном Олимпе?

— Это Зевс. Настоящий.

— Расскажите о своем отце.

— Он был эсером, во время гражданской войны примкнул к коммунистам. Из крестьян, выдвинулся до председателя горсовета. 18 лет был зек, вернулся; получил Орден Ленина (видно, за заслуги в ГУЛАГе). Жил как пенсионер. Опубликовал мемуары в одном литературном

журнале в Казани. Был человеком исключительной деликатности. И очень добрым, несмотря на то, что коммунист.

— Каково россиянину в Америке?

— Если вы можете себе представить, каково американцу в России, сможете представить и обратное. Америка стала для меня домом, у меня на нее уже взгляд изнутри. Я уже позволяю себе брюзжать. Вот вам же, например, неинтересна Мо-

ника Левински... А нам, американцам, очень интересна!.. И мы хотим знать все о ДНК президента, где он что посеял, где что капнул... Без шуток: эта история меня перевернула! Я впервые почувствовал отвращение к правым. До этого я был ближе к республиканцам (в конце концов это их жесткий взгляд заставил разоружиться тоталитарное государство). А теперь я увидел, какие они высокомерные и тупые. И я отметил, что из правого консерватора становлюсь левым либералом.

— Ваш любимый анекдот?

— Все любимые устарели... Один вот вчера услышал: "Я думал, что "за растление малолетних" — это тост, а это оказалась уголовная статья". Вот еще один, тоже московский (в Америке их просто не существует): "Старушка спрашивает у наркомана: "Как дойти до метро?" — "Как тебе, бабка, по кайфу, — так и иди". Я уже предвкушаю, как я с этими анекдотами вернусь в Америку.

Весьма оживленную атмосферу зала подогревали и выступления друзей Аксенова. Михаил Козаков рассчитывал прочесть с Табаковым отрывки из аксеновской пьесы "Всегда в продаже", шедшей в "Современнике" в середине 60-х. Но Олег Павлович не явился, и Козаков объявил:

— За отсутствием ансамбля *Выступать буду я сам, бя!*

И действительно сам сыграл и своего Женю Кисточкина, и других героев пьесы, включая незабвенную продавщицу Клаву (губки бантиком), в роли которой прославился тогда Табаков. А закончил свое потешное выступление грустным стихотворением Чухонцева:

— *Мы пили когда-то, Теперь мы посуду сдаем...*

Необычайно вдохновенными были в этот вечер и Белла Ахмадулина, и Андрей Вознесенский (последний — в прикольных ботинках, какие сейчас носит молодежь, наподобие лыжных). Андрею Андреевичу, правда, всегда удается ухватить самые приметные черты времени и иронично вставить их в исторический контекст. Цитируем: "Словно гоголевский шнобель, над страной витает мобиль..." И в конце: "Был бы у Татьяны мобиль, то Онегину бы, кобелю, не писала б ничего".

В общем, друзья-литераторы фонтанировали, сами получая от этого немалое удовольствие, не говоря уже о герое вечера.

А закончил его саксофонист Алексей Козлов (с неизменным квартетом им. Шостаковича). Но не только музыкой: вместе с Аксеновым они в лицах вспоминали, как ровно 25 лет назад, в Рождественский вечер 1974 года, подпольный ансамбль "Арсенал" исполнил здесь оперу "Иисус Христос — Суперстар" на творческом вечере Аксенова. И им вменили в вину то, что "в религиозный праздник они протасили на сцену религиозную оперу".

Усилия писательницы Зои Богуславской, директора фонда "Триумф", за все семь лет его существования никогда не пропадают даром. Более того: организаторам премии и фестивалю всегда удается смягчить официальное до неформального, а неформальное — до почти домашнего. И действительно — будто смущенно заглядываешь на Олимп, где резвятся всегда юные своим талантом боги.

Наталья ЗИМЯНИНА

Фото Виктора АХЛОМОВА ("Известия")

Фото Игоря ЯКОВЛЕВА

Старая любовь не ржавеет. Всю ночь накануне Белла Ахмадулина сочиняла "Экспромт для Васи" и теперь преподнесла его герою вечера.